

УДК 1(091) (47+57)

ББК 87.3(2)1

С30

Художник *В. В. Покатов*

Семенова С.Г.

С30 **Философ будущего века: Николай Федоров.** — М.: Пашков дом, 2004. — 584 с: ил.

ISBN 5-7510-0284-9

Книга известного философа и писателя, доктора филологических наук С. Г. Семеновой посвящена выдающемуся отечественному мыслителю Николаю Федоровичу Федорову (1829—1903), идеи которого лежат у истоков как русского религиозно-философского подъема конца XIX — начала XX в., так и активно-эволюционной, ноосферной мысли XX в. В книге на обширном материале, включая архивные и малоизвестные источники, представлены жизнь и деятельность легендарного библиотекаря Румянцевского музея, «Московского Сократа», его духовный диалог с великими современниками — Ф. М. Достоевским, Л. Н. Толстым, В. С. Соловьевым, общественные и культурные инициативы мыслителя. Подробно рассматриваются философские, богословские, этические, эстетические взгляды Федорова, его понимание смысла и назначения истории, концепция «имманентного воскрешения», отношение к мировым философским системам (Канту, Гегелю, Шопенгауэру, Ницше), к славянофильской традиции. Отдельный раздел посвящен судьбе идей философа всеобщего дела в мысли и культуре XIX — XX вв., их значению в контексте современности.

Книга адресована историкам философии и литературы, преподавателям и студентам, а также широкому читателю, интересующемуся отечественной и мировой мыслью и культурой.

УДК 1(091) (47+57)

ББК 87.3(2)1

ISBN 5-7510-0284-9

© Семенова С.Г., 2004

© Покатов В.В., художественное оформление, 2004

© Российская государственная библиотека,
издательство «Пашков дом», 2004

надлежность *несовершеннолетнего* состояния человечества и призвал обратить спор в разговор или *совещание*, которое будет искать пути к умиротворению²⁰.

Интересно, что, несмотря на всю остроту полемики, по мере все большего прояснения федоровских идей оппоненты начали склоняться к признанию их важности и необходимости систематического их представления.

К концу жизни Федоров окончательно убеждается в ошибочности фрагментарного изложения своего учения, что неизбежно приводило к непониманию и искажению его. Но дело тут было не только в тактической ошибке. Сами необычно смелые идеи Федорова о регуляции природы, освоении космических пространств, борьбе со смертью и т. д., опередившие свое время, не находили понимания. Тем более что эти идеи *странно* соединялись с христианско-евангельскими образами, с особым архаизмом стиля. Это ставило учение всеобщего дела в трудное, промежуточное положение, когда оно, с одной стороны, по словам Федорова, прекрасно осознававшего это положение, казалось «диатрибою из времен невежества», а с другой — выражением «крайностей» материализма, «неслыханной дерзостью» знания. Недаром и две попытки опубликовать отдельной книгой работы Федорова — одна в конце 1884 года, когда Петерсон за своей подписью отослал в Московский цензурный комитет то, что было готово из «Вопроса о братстве...» (большая часть второй, третья и четвертая части, носившие тогда заглавие «Вопрос о причинах небратского состояния мира»), другая — в 1894 году, когда тот же Петерсон представил для цензурного одобрения рукопись федоровской работы с критикой толстовского учения «В защиту дела и знания...», — потерпели неудачу, цензура их не пропустила²¹.

Последние годы

В последние годы жизни Федоров зимой живет в Москве, а летом уезжает или в Подольск, где когда-то, в 1867—1868 годах, короткое время учительствовал, или же в Новый Иерусалим. Туда его влек монастырь, построенный патриар-

²⁰ Это был *логический* конец асхабадской полемики, хотя 21 апреля («Асхабад», 1902, № 11) появилась статья под обычными тремя звездочками «Еще о смысле и цели» Петерсона и Федорова (вторая, федоровская, ее часть критически касалась ряда статей М. М. Тареева по христианской апологетике, печатавшихся в журнале «Вера и Церковь» под заглавием «Цель и смысл жизни», о которых сам Федоров почерпнул сведения из их краткого разбора в «Богословском Вестнике» (1902, № 1)). На это опять отреагировал все тот же Pensoso в статье «Свобода мнения» («Асхабад», 1 мая, № 121) со своими обычными ироническими выпадами и гуманистически-социальным толкованием Евангелия, по которому дух этой книги диктует «такое устройство общества, когда управляющие и управляемые братья, равноправные братья». На этом полемика прекратилась уже окончательно.

²¹ Подробнее см.: Д, 248-249, 298-299.

хом Никоном, когда он, расставшись с первосвятительской властью, с 1650-х годов сосредоточился на грандиозной архитектурно-строительной деятельности, связанной с реализацией его замысла создания на Руси Нового Иерусалима, «подмосковной Палестины». Обладая особым символическим мышлением, стремлением к материально-зримому воплощению богословских идей (кстати, тут Федоров близок ему по духу), Никон воссоздал недалеко от Москвы, у реки Истры всю *топографию* святых мест, где проходила земная жизнь Христа и где совершилось Его победное Воскресение: и Вифлеем, и реку Иордан, и Фавор, и Вифанию, и Гефсиманию... спланировал архитектурный ансамбль, содержащий каменные стены с башнями, с надвратным храмом входа Господня в Иерусалим, палаты, кельи, каменные храмы. Центральное место среди них занял собор Воскресения, копия Иерусалимского храма Гроба Господня, в котором после его освящения (уже после смерти Никона, в 1685 г.) все оказалось пронизанным духом Воскресительного торжества: плащаница, постоянно открытая для поклонения, росписи, богослужение, каждое воскресенье уникально включавшее после литургии в часовне Гроба Господня Пасхальный канон... В летних письмах 1902 года к Кожевникову Федоров не раз глубокомысленно передавал свои впечатления от Ново-иерусалимского храма, бывшего для него самым «полным выражением Православия, отождествляемого с Пасхой» (IV, 471): «На величавом своде над Кувуклиею хоры херувимов, как на небесах, постоянно поют воскресение Христа-Спаса, а по Воскресным дням можно услышать «Христос Воскресе» и на земле. <...> В нем, следовательно, *каждое воскресенье есть светлое*, а по желанию богомольцев и *будничный день* можно обратить в *светлый праздник*» (IV, 472). В письме от 15 июля 1902 года он говорит, что «Никон завершил строение "Русского Храма", создав Ново-иерусалимский храм Воскресения» (IV, 475). Мыслитель выстраивает при этом три эпохи русского храмового зодчества, отражающие все более углубленное усвоение христианской идеи и задачи: по образцу Константинопольской Софии воздвигались первоначальные Софийные храмы, уступившие место храмам Успения Богоматери и шире — Успенским храмам, посвященным дням успения святых, «т. е. их Великим Пяткам и Субботам» (IV, 474), затем с преподобного Сергия появляются храмы Троицы, «образцу единодушия и согласия» (IV, 474), внесшие новую преобладающую идею в церковное, народное сознание; и наконец, Никон дополняет и увенчивает это развитие Воскресенским храмом, утвердив высшее христианское чаяние, не отделявшее Христово Воскресение от Всеобщего Воскресения.

В это время Николай Федорович начинает напряженно работать над окончательным приведением своих рукописей в порядок для их обнародования уже под своим именем. Идет завершающий этап его жизни, необычайно плодотворный, но и особенно трудный. Хотя Федоров сохраняет большую умственную энергию, физическое его здоровье ухудшается. Но главное — он чувствует почти полное духовное

одиночество. Самым значительным его последователем, кроме Петерсона, был Владимир Александрович Кожевников (1852—1917), ученый, философ и поэт (кстати, земляк Федорова, сын почетного гражданина города Козлова Тамбовской губернии), человек обширных и разносторонних знаний, в совершенстве владевший восемью языками. В нем, по словам современников, «жила целая академия наук и искусств»²². И тем не менее, проведя вольнослушателем в Московском университете пять лет (1868—1873), он диплома не получил, будучи, как и Федоров, с которым он познакомился в библиотеке Румянцевского музея в 1875 г., замечательным автодидактом. При этом Николай Федорович умело руководил его всесторонним самообразованием, помогая в научных изысканиях. Будучи автором многочисленных статей и книг, в том числе двухтомного исследования по буддизму («Буддизм в сравнении с христианством», Т. I—II. М., 1916), Кожевников вдохновлялся в своем анализе и оценках общественных и культурных явлений проникновенно усвоенными им федоровскими взглядами. Поддерживая до самой смерти Федорова близкие с ним отношения, он заботился о всех его делах, постоянно стремился обнародовать его взгляды, излагал в периодической печати в собственных статьях многие идеи, проекты и впечатления мыслителя («Стены Кремля», «Международная благодарность», «Обыденные храмы в Древней Руси», «Любовь погибает», «Непонятый храм...»). Кожевников написал несколько стихотворений, прямо вдохновленных учением о воскрешении, — их ценил и сам Федоров. Между учителем и учеником шла самая интенсивная переписка, и свои письма к другим лицам Федоров часто пересылал через Кожевникова. Но даже этот, казалось бы, столь верный Федорову человек нередко вызывает в нем горькие чувства. Николай Федорович все чаще повторяет в письмах к нему, что тот никогда по-настоящему не понимал его учения. И действительно, признается сам Кожевников, его убеждения все больше приближались к церковному православию, а Федоров, как ему казалось, опирался в осуществлении всеобщего дела больше на «естественные средства»²³.

Недовольство Федорова другим своим учеником, Петерсоном, на деле ему наиболее преданным, приводит к полному разрыву с ним. Это недовольство накапливалось постепенно — среди причин, возможно, были чрезмерное рвение Петерсона по службе, его чувствительность к общественным почестям, самовольные попытки вынести в свет учение всеобщего дела, наконец, неудачная защита федоровских идей на страницах газеты «Асхабад»... Среди немногих записей личного содержания, сохранившихся в бумагах Николая Федоровича, есть и такая: «Эти статьи: "По поводу Народного дома" и "Блаженная жизнь" — это самая злая насмешка судьбы. Конечно, Петерсон не хотел отдать на посмеяние, а вышло имен-

Булгаков С.Н. Памяти В. А. Кожевникова. Христианская мысль. 1917. № 11—12. С. 76.

²¹ Подробнее об отношении В. А. Кожевникова к идеям Федорова см.: Д., 397—398.

но так! Трудно выбрать более неудачное название, как "Блаженная жизнь". *Блаженный* — синоним *юродивого*. Этим названием начата насмешка, которую продолжает Pensoso, запоздалый поклонник давно, очень давно забытого Бокля. Чем же заменить "блаженная" — бессмертная, воссозданная, воскрешенная, всеобщим трудом воспроизведенная» (IV, 163). В сентябре 1902 года Петерсон, приехавший месяцем раньше в Москву для того, чтобы помочь Федорову в работе над систематизацией его текстов, после очередной размолвки с мыслителем самовольно увозит в Асхабад рукопись работы «Супраморализм» и не возвращает почти полгода, а перед отъездом заявляет учителю, что будет печатать его рукописи так, как считает нужным и без всякого согласования с ним. Этот поступок и заявление Петерсона и стали последней каплей, вызвавшей отлучение столь давнего соратника. Позднее Петерсон в письме к Кожевникову от 4 апреля 1904 года, уже после смерти учителя, признавался: «...и знаете ли, он был совершенно прав, относясь ко мне так; в конце концов я выясню это надлежащим образом»²⁴.

В такой тяжелой душевной ситуации, когда Федорову уже начинало казаться, что «дело общее для всех, родное для каждого» оказывается чужим для всех и ненужным никому» (IV, 164), мыслитель соглашается весной 1902 года на предложение Николая Николаевича Черногубова, искусствоведа, исследователя творчества Фета, напечатать свои труды с вариантами в одном большом томе в издательстве «Скорпион». По свидетельству Кожевникова, «в течение нескольких недель рукописи им усердно переписывались по вечерам и по ночам»²⁵. Была начата даже перепечатка рукописей — на средства владельца издательства Сергея Александровича Полякова, инженера и известного коллекционера²⁶. Однако в начале 1903 г. дело разладилось — по одной версии, высказанной в письме Кожевникова Петерсону от 25 апреля 1903 года, «так как Черногубов рассорился» со «Скорпионом» (IV, 627), по другой, высказанной им же позднее, из-за отказа самого Федорова, которому Кожевников «указал на радикальное противоречие между его собственными убеждениями и убеждениями его будущего издателя»: Черногубов намеревался выпустить книгу «по очень высокой цене»²⁷, а сам Федоров был противником торговли печатным словом (недаром на посмертном издании его сочинений стоял гриф «не для продажи»).

Николай Федорович скончался 15(28) декабря 1903 года в Мариинской больнице для бедных, в той самой, где в одном из флигелей в семье штаб-лекаря 82 года назад родился Достоевский. Федоров умер в 74 года, но, несмотря на

²⁴ НИОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 24, лл. 60 — 60 об. Анализ отношений Федорова с Петерсоном, причин их конечного личного расхождения см.: Д., 409—414.

²⁵ НИОР РГБ, ф. 657, к. 4, ед. хр. 6, л. 278.

²⁶ «Черногубов отдает в переписку на ремингтоне на счет Полякова рукописи, взятые у меня, четко написанные, и даже печатные статьи» (IV, 165).

²⁷ НИОР РГБ, ф. 657, к. 4, ед. хр. 6, л. 278.

старческие недуги, сохранял бодрость и энергию. Как рассказывают, смерть наступила, по существу, случайно. Однажды в трескучие декабрьские морозы под нажимом знакомых Федоров изменил своим привычкам ходить в легком платье круглый год. Его почти насильно одели в шубу и посадили на извозчика, чего он никогда себе не позволял. Результатом явилась простуда и сильнейшее двустороннее воспаление легких.

Сразу после кончины Николая Федоровича, когда Москва проникновенными некрологами прощалась с «необыкновенным библиотекарем», «энциклопедистом <...> замечательным философом и самостоятельным мыслителем» (Г. П. Георгиевский), появились рассказы о последних его днях, часах и буквально минутах: до конца его волновала судьба его главной Идеи, он умирал с именем великого читателя Воскресения, святого Серафима Саровского на устах. Е. В. Барсов, служивший в 1870-1880-х годах вместе с Федоровым в Румянцевском музее библиотекарем русского и славянского отделений, позднее один из ведущих публицистов газеты «Московский листок», приводил такие слова умиравшего Николая Федоровича, «этого величайшего инока среди мира»: «Правду говорил Серафим Саровский: не для одной же мощны призван жить человек.

Он пел пасхальный канон перед Новым годом (перед своей кончиной. - С. С.) и предсказал недоумевавшим, что наступит момент, когда этот канон будут петь в его монастыре и летом, что и исполнилось в нынешнем году, при открытии его мощей»²⁸. По свидетельству Барсова, последним пожеланием (или скорее мечтой) Николая Федоровича, тоже отходившего в предновогоднюю пору, было, чтобы и Москва, по примеру величайшего русского святого, встретила наступающий 1904 год пасхальным каноном: «Это был бы призыв к новому направлению жизни в духе всеобъемлющей любви христианской»²⁹, — говорил он ученикам.

О том же писал позднее биографу и исследователю Федорова Александру Константиновичу Горскому (Остромирову) и В. А. Кожевников, повествуя о последних часах жизни своего учителя: «Агония была тяжкая и длительная. Но до этого он много говорил, хотя и с трудом уже, с посещавшими его друзьями, несмотря на запрещение разговаривать врачами. <...> Забывали и мы запрет, жалость к страдальцу сменялась благоговейным вниманием к наставлениям. <...> мы чувствовали — то были последние советы, последние заповеди, последние благословения. Ни слова о себе лично, ни о болезни, ни о близком уже конце <...> все мысли и речи о "деле". С ним он не расставался до последней минуты сознания.

Видимо, хотелось говорить много, но кашель и укороченное дыхание мешали: приходилось ограничиваться краткими указаниями. <...> Его внимание сосре-

Барсов Е.В. Памяти Н. Ф. Федорова // Московский листок. 17 декабря 1903. № 350. Там же.

стве...», «Собор», «Выставка 1889 года», «Музей», и имелись в копиях, сделанных Петерсоном с авторской правкой Федорова, существовало еще множество статей, заметок, писем — а писал Николай Федорович почерком мелким, неясным, часто карандашом, обычно ночью при тусклом свете коптилки, на отдельных листах или обрывках бумаги. Издателям пришлось проделать колоссальную работу по разборке и систематизации философского наследия учителя. И наконец в 1906 году на далекой окраине царской России, в городе Верном (ныне Алматы), где тогда служил Петерсон, вышел первый том «Философии общего дела»³² всего в количестве 480 экземпляров. Следуя заветам покойного, ученики выпустили книгу «не для продажи». Часть тиража была разослана по библиотекам, из другой части любой желающий мог себе бесплатно заказать экземпляр у издателей. Второй том был издан через семь лет, в 1913 году, в Москве. Готовился к печати и третий том, в который должны были войти ряд статей Федорова и переписка философа, но наступившие бурные события первой мировой войны и революции, а также смерть обоих издателей (В. А. Кожевникова — в 1917, Н. П. Петерсона — в 1919 г.) помешали его выходу в свет .

³² Необходимо сразу отметить, что это название сочинений Федорова принадлежит не самому автору, а Кожевникову. По поводу этого заглавия между двумя издателями развернулся характерный спор. Суть возражений Петерсона изложена в его письме Кожевникову от 9 декабря 1904 года: «Относительно заглавия, я согласен с Вами — нельзя озаглавить *Труды*, это ничего не выражает, но и *Философия дела* мне не по душе, едва ли по душе было бы это название и Н<иколаю> Ф<едоровичу>, для него важно самое дело, а не философия, не любомудрие, не любовь лишь к мудрости, что-то бездеятельное, платоническое, а сама мудрость, побуждающая к делу. А потому не лучше ли озаглавить так: "Призыв к делу, к общему и единому делу всех людей, всего рода человеческого в его совокупности!" Это заглавие длинно, но и сам Н<ико>лай Ф<едорович> ч делал всегда длинные заглавия, рекламы в этом заглавии, я думаю, найти нельзя, и оно, мне кажется, будет вполне соответствовать всему, что напечатается под этим заглавием. А затем, помимо этого заглавия, нужно напечатать — "Мысли, статьи, отрывки и письма Н. Ф. Федорова". Это, по-моему, будет хорошо, и я очень буду рад, если Вы согласитесь на это заглавие» (Философия бессмертия и воскрешения. По материалам VII Федоровских чтений. Вып. 2. М., 1996. С. 249).

³³ Некоторые материалы, подготовленные для третьего тома, позднее были напечатаны философом Н. А. Сетницким в эмигрантских изданиях: журнале «Путь» (1928, 1929, 1933), альманахе «Версты» (1928), газете «Евразия» (1929), втором выпуске сборника «Вселенское дело» ([Харбин], 1934). Со второй половины 1970-х годов началась их публикация в России. См.: «Фауст» Гете и народная легенда о Фаусте // Контекст 1975. М., 1977. С. 315—336 (публикация С. Г. Семеновой); Из материалов к третьему тому «Философии общего дела» // Контекст. 1988. М., 1989. С. 278—351 (публикация С. Г. Семеновой); Из материалов к третьему тому «Философии общего дела» // Вопросы философии. 1993. № 1. С. 133—182 (публикация С. Г. Семеновой и А. Г. Гачевой); Из «Философии общего дела». Новосибирск. 1993 (составление, подготовка текста, комментарии Е. М. Титаренко). См. также: Начала. Религиозно-философский журнал. 1993. № 1. С. 31—79; № 3. С. 18—36 (публикация А. Г. Гачевой); Философия бессмертия и воскрешения. Вып. 2. С. 181—242 (публикация А. Г. Гачевой и Е. М. Титаренко). В настоящее время материалы к III тому вошли в «Собрание сочинений» Н. Ф. Федорова.